



Рис. 5. Пример реконструкции святилища

Этот пример показывает, что сам процесс 3D-реконструкции весьма сложен и требует как научной основы, так и фантазии, которая позволяет на основе имеющихся данных и жизненного опыта заполнить недостающие элементы в материальной культуре того времени. Радует и другое: на более поздних этапах существования города подобных белых пятен будет гораздо меньше. Там будет возможность воссоздать целые раскопанные археологами кварталы, отдельные архитектурные строения, улицы и т.д.

Таким образом, компьютерная 3D-реконструкция исторических городов представляется перспективным направлением в современной истории. Это позволяет визуализировать историю и создать мультимедийный продукт, востребованный как в сфере туризма, так и в учебном процессе. Последнее особо важно, так как подобная форма предоставления исторической информации способна вызвать живой интерес к отечественной истории и краеведению, а значит стать основой для патриотического воспитания будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. 3D-реконструкции объектов историко-культурного наследия: компьютерное моделирование // Исторический факультет МГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hist.msu.ru/Labs/HisLab/3D/index.html>. – Дата доступа 11.02.2014.
2. Археология 3D [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://3darchaeology.3dn.ru>. – Дата доступа 11.02.2014.
3. Памяць: гіст.-дакум. Хроніка Віцебска: У 2-х кн. Кн. 1 / рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2002. – 648 с.

УДК 94(=411.16)(476)"1920/1930"

ТРАДИЦИОННЫЕ БЫТОВЫЕ ПРАКТИКИ ЕВРЕЕВ ВИТЕБЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКИХ РЕАЛИЙ 1920-Х ГГ.

канд. ист. наук, доц. Г.Н. ЯКОВЛЕВА

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск

В 1920-х годах евреи составляли значительную часть населения Витебска. Будучи религией моноэтнического характера, иудаизм был особенно неприемлемым для большевиков, так как он провозглашал приоритет "национального" над "классовым". Синагоги и еврейские школы закрывались. С осени 1921 г. началась кампания против священного дня – субботнего отдыха. Еврейская секция РКП вовлекала местный еврейский пролетариат в воскресники и субботники, организованные во время празднования Пас-

ГІСТОРЫЯ

хи, а таксама в сярэднікі, в перыяд асеннега цыкла еўрэйскіх "покаянных дней". Вмесці сваіх традыцыйных прызднікаў еўрэі началі праводзіць псевдорытуалы. Крэме таго, некаторыя змяненні прайшлі ў сфэры брачных і сямейных адношэнняў: дэла о светскіх і межэтнічэскіх браках, разводах і выплатах аліментав, сталі п'являцца в советскіх судах. Власти п'яталісь змяніць как практыку трыдуовых адношэнняў (прывлекая еўрэев в сельскае хазяйства), так і воспріятыя аддыха і развлеченняў у месчнага населення. Однак гэты змяненні каснулісь в асновном тех еўрэев, которыя хотелі ассімілірават'ся в стране і стремілісь к власти. Меньшынства еўрэев, асобенно із небаб'шых горадов, не прымалі все нововвевденія і в теченіе 1920-х годов по-прежнему б'ылі прывержены традыціям своєї релігіі.

После рэвалюціі прайшлі складныя процэсы адаптаціі населення к новым політыко-ідэалогічэскім і саціална-эканамічэскім рэаліям. Мэнялісь нравственна-этнічэскія нормы і традыцыйны ўклад жыці мільіонав людей, которы во многом б'ыл обусловлен их релігійознай і этнічэскай прынадлежнэст'ю. В Витебскай губерніі крэме беларусов пражывало значітэльное кочічество русскіх, еўрэев, поляков і латышей. Боб'шынство местечек губерніі б'ылі еўрэйскімі по составу населення. В Витебске в 1925 г. пражывало 39 714 еўрэев, 26 418 беларусов, 17 791 русскій, 2479 поляков, 1264 латыша, 957 українцев, 449 літовцев і 846 прэдставітэлей другіх націоналнэст'ей [1, л. 67].

В начале 1920-х гг. боб'шая часть горадскаго і местечковаго еўрэйства сохранияла свою релігійозна-ую і саціалную ідентічнэст'ю і не скрывала соб'юденія релігійозных абрядов. Основная масса еўрэйскаго населення ходіла в синагогі, не работала по субботах, неукоснэтельно отмечала іудейскіе прызднікі, соб'юдалісь традыціонныя огранічэння в еде і т.д. Б'ыла по-прежнему распостранена благодотворнэтельность в пользу бедных еўрэев. Многовековой ўклад жыці б'ыл основан на церковных браках і релігійозном образovanнн дэтей.

Для боб'шевиков же соб'юденіе релігійозных ритуалов б'ыло не боб'е чем свідетельством прыверженности пережиткам прошлого і того, что мешае строить новую жыць. Поскольку іудаїзм практычэски б'ыл едннственной релігійей, імеющей мононаціоналнэый характер, для боб'шевиков он носіл контррэвалюціоннэый оттенок, ібо провозглашал пріорнтет «націоналнэого» над «классовым», не соотвэтствовал ідеалогіі пролетарскаго інтэрнаціоналізма, которого в 1920-е гг. прндрержывалось советское руководство.

Однак месчнэ еўрэйство б'ыло неоднородным. Широко воспользовавшнсь вновь полученными правами, часть витебскіх еўрэев заняла разлічнэе посты в управленчэском аппарате. Іменно еўрэі сыгралн огромяую роль в становленнн і укрепленнн советской власти в гораде і губерніі. Еўрэйская молодежь стояла у істочков месчнэго комсомола. Много жэнщнн-евреек б'ыло среди органнзаторов жэнскаго двнженнн в губерніі. В начале 1920-х гг. б'ывшіе бундовцы составлнла значітэльную часть месчнэых ячеек РКП (б).

Те, кто б'ыл лоялен новой ідеалогіі і політычэскому рэжнму, і стал частью гэтой новой власти, отрицалн свою релігійознэст'ю і все, что с нею связано. В «Пнсьме в редакцію» «Ізвестннх Внтгубнсполкома» 17 іуня 1923 г. такіе еўрэі возмущалнсь тем, что в новых паспортах граждан в графе «вероісповеданнне» витебскіе паспортнстки самовольно ставлнла отметкн «іудейское» ілі «православное». «Нас, многие годы не верящнх нн в бога, нн в чэрта, причнслнлі к обществу верующнх, без нашего на то согласнн», – негодовалн онн. В карнкатуре і стнхах, размещенных в гэтой же газете, ннн высмеивалнсь «совдуракі», ігравшіе на руку попам і равннам [2, л. 10 об.].

«Чтоб «букву» выполннть вернее і точнней,
Какой-то совдурак «прославнлся» недавно:
- Іоснф Рубннштейн? Ізвестно – іудей!
- Как? Мнхаіл Ільчн? Напншем: православноый!

В церквях на радэсть звонят в колокола.
Попы і равнны к начальству шлют молнтвы,
Коль паспортнстки взнлнсь за дэла:
Поставлнла купель і вытащлнла брнтвы» [2, л. 10 об.].

Іменно такіе еўрэі сталн основой еўрэйскай секціі губкома РКП (б), дэятельность которой во многом б'ыла направлена на разрушеннне векамі сложнвшэгося ўклада повседневной жыці, основанного на релігійознай традыціі.

В контексте общей борьбы большевиков с религией начинается борьба с иудаизмом и бытовыми традициями, им обусловленными. Начинают закрываться синагоги и молитвенные дома. С осени 1921 г. начинается кампания против субботнего отдыха. Суббота – традиционный еженедельный праздник в еврейской семье. Тора предписывала правоверному еврею воздерживаться от работы. Для религиозного еврея отказ от субботнего отдыха был большим грехом.

Еврейский подотдел при губотделе по делам национальностей, еврейская секция губкома РКП (б) вели борьбу «с клерикализмом путем выяснения вредного влияния субботнего отдыха на развитие местного хозяйства» [3, л. 5].

Распространенной практикой начала 20-х гг. в Витебске было размещение в губернской печати на так называемую «Черную доску» тех, кто не хотел поддерживать нововведения большевиков. В январе 1921 г. в таковой был пропечатан кондуктор Шмеркин Исаак, который подал заявление об освобождении его от работы с пятницы до субботы вечером по своим религиозным убеждениям. И, несмотря на категорический отказ, на службу не явился [4, л. 2].

Весной 1921 г. в Витебске разгорелся конфликт по поводу изъятия синагоги на ул. Володарского, в которой был размещен Еврейский коммунистический университет. Тогда прошли массовые акции протеста против закрытия синагог, а осенью в Заручеевской синагоге 500 – 600 верующих выступили против навязываемого евреям воскресного отдыха. Один из религиозных активистов призвал создать «Общество соблюдения субботы» – «Шомрес-Шабос» и сказал: «Возврати нас, Боже, к прежнему времени». Другой говорил, что «еврейский комиссариат не есть представительство еврейства, а ассимиляция» [5, л. 145].

Тогда же возникли местные инициативы по вовлечению еврейского населения в различные формы коллективного труда именно в субботние дни и в еврейские праздники. В апреле 1920 г. витебские партийцы пытались отвлечь пролетариев от празднования пасхи и песаха путем проведения «большого пасхального воскресника» 4 и 11 апреля, и грандиозного субботника – 10 апреля [6, л. 25]. А члены евсекции и клуба им. З. Хайкина 10 апреля ещё приглашались и на «Пасхальный Бал» [там же]. Появились и такие формы труда с очевидной антирелигиозной направленностью, как средники. Лидеры евсекции губкома РКП(б) в период осеннего цикла еврейских «покаянных дней» 22 сентября 1920 г. в праздничный, официальный выходной организовали большой средник, поучаствовать в котором приглашался еврейский революционный пролетариат. Предполагалась работа по заданиям комиссии по организации в городе «Недели ремонта». «Участие в среднике безусловно обязательно для евреев – членов РКП, РКСМ и коммунистического Бунда. Не явившиеся будут привлекаться к ответственности в порядке строжайшей партийной дисциплины вплоть до исключения из рядов организации» [7, л. 17]. Средники проводились в губернии и в 1921-1922 гг.

Однако многие рабочие и менее зависимые от властей кустари в местечках возмущались этими нововведениями. Кампания за введение единого дня отдыха, а точнее за отмену субботнего, проходила сложно. Весной 1922 г. евбюро губкома признавало, что на субботнюю работу и воскресный отдых перешли только в типографиях и двух мастерских Губодежды [8, л. 23].

Лишь угроза лишиться работы и продовольственных карточек (с их введением) в связи с ужесточением трудовой дисциплины в начале 1930-х гг. вынудила евреев принять работу в субботу как данность.

Основная масса рядового еврейства приверженности традициям сначала не скрывала, а для коммунистов и комсомольцев соблюдение религиозных обрядов становилось всё более проблематичным, ведь даже присутствие при их совершении могло вызвать неприятные последствия. Председатель губотдела профсоюза кожевников Черновский в 1923 г. был исключен из партии на 6 месяцев за совершение религиозного обряда обрезания [9, с. 302]. Тогда же три других члена витебской городской парторганизации принимали активное участие в обряде обрезания своих детей, но при разборе дела в Контрольной комиссии пытались доказать, что его совершили без их разрешения и участия [9, с. 304-305]. В июне 1923 г. в здании бывшей Хоральной синагоги нарсудом 6-го участка слушалось на еврейском языке уголовное дело по обвинению граждан А. и С. Хейф по 108 ст. Уголовного Кодекса за совершение, вопреки воле родителей, обряда обрезания над ребенком коммунистов тт. Вульфсон и Хейф [2, л. 8].

Боясь осуждения, коммунисты-евреи стали проявлять элементы двойной морали: официально заявляя о своем атеизме, скрывали соблюдение обрядов в семье, убеждали товарищей по партии, что, например, покупая мацу или совершая обрезание новорожденного мальчика, они вынуждены были выполнять просьбы пожилых родственников и др. В 1928 г. рабочий-коммунист одного из заводов Витебска в присутствии руководства и гостей отпраздновал у себя дома официальный антирелигиозный обряд «красное обрезание», а затем, в отсутствие посторонних, ребенку сделали традиционное обрезание. Сослуживец донёс об этом в партячейку. Попытки рабочего доказать, что это произошло без его согласия, не убедили партийцев, он был исключен из партии [10, с. 271].

ГІСТОРЫЯ

В начале 1920-х гг. губернская Контрольная комиссия квалифицировала участие в обрядах как одну из самых распространенных форм нарушения партийной дисциплины.

Одной из распространенных форм борьбы с нормами, обычаями и привычками старой традиционной жизни стали знаменитые политические суды 1920-х гг. В ходе этих судов люди разных возрастных категорий и социальной принадлежности подвергались общественному презрению. Страх общественного позора в данном случае выступал в качестве мотивации активности. В Витебске зафиксированы суды над еврейскими комсомольцами за приготовление мацы, «над обрядом Пасхи», показательные политсуды над антисемитами.

Огромную роль в социализации подрастающего населения играла школа. «Борьба с хедерами и ешиботами и талмуд-торами – этим худшим наследием прошлого, реорганизация старых еврейских казенных и различного рода частных и общественных училищ, клерикально-националистических или русификаторско-ассимиляторских по духу воспитания в них, реформирование их в новую трудовую школу, приближение их к массам еврейского трудового населения и к элементарным требованиям педагогики путем преподавания на родном языке, расширение сети учреждений – вот, что предстояло Еврейской секции губоно в одной только области школьного дела» [11, с. 29]. В конце 1920 г. в Витебске была создана «комиссия по борьбе с хедерами». В январе 1921 г. в городском театре был организован публичный «суд над хедером», который длился 6 дней. «Для проведения суда приглашены были в качестве обвинителей, свидетелей и экспертов лучшие из местных педагогических и партийных сил. В качестве защитников хедера выступили представители религиозной организации «Совета молитвенных домов» [11, с. 30]. Сторонники сохранения хедеров рассматривали их как фундамент еврейской национальной жизни. Несмотря на протесты населения и раввинов, хедеры стали закрывать.

В противовес им в Витебске и уездах стали создавать советские еврейские школы с преподаванием на идиш. К 1921 г. в Витебске и уездах была создана 41 еврейская школа I ступени и 2 – второй ступени. Правда, в условиях сокращения финансирования сферы просвещения в условиях перехода к НЭПУ, число всех школ, в том числе и еврейских, на время резко сократилось. В 1921 г. в Витебске был создан первый в стране еврейский педагогический техникум, который стал готовить для еврейских школ «красных учителей». За 5 лет существования учебного заведения в нем было подготовлено 86 учителей, которые не только преподавали в школах городов и местечек БССР, но и активно трудились в национальных советах, профсоюзах, избах-читальнях, работали среди местечковой молодежи. Эти учителя «из детей революции» стали, по мнению автора статьи, посвященной 5-летию техникума, «первой еврейской интеллигенцией, которая твердо знает к чему она идет, и к чему ведет трудящиеся еврейские массы» [12, л. 15].

Однако многие евреи отдавали детей в русскоязычные школы. А явные и тайные хедеры и иешивы продолжали действовать на Витебщине все 1920-е гг. Новая волна гонений на них началась в 1929 г. Тогда были закрыты иешивы в Невеле, Полоцке, Витебске, а также пять неофициально действовавших сравнительно больших хедеров в Витебском округе [10, с. 259].

Церковь не только была отделена от школы, но и собственная, истинная или обыденная, религиозность учителей, бывшая до 1917 г. естественной нормой и частью их повседневной жизни, становилась объектом пристального внимания властей. Огромные проблемы возникали у учителей, которые сохраняли приверженность своим религиозным убеждениям. Наиболее очевидной религиозность становилась во время религиозных праздников. Так, были уволены несколько витебских учительниц, часть из них не вышла на работу на христианское Сретение, а другие – в еврейский клерикальный праздник «Пурим».

У местных партийцев (русских и белорусов по происхождению) возмущение вызывала привязанность населения, в том числе и школьников, к празднованию святок и масленицы.

Активизировалась местная печать в преддверии самых важных религиозных праздников. Стремясь уменьшить роль и значение религии в жизни местного населения, авторы статей доказывали, что большинство верующих идет в церковь или синагогу только по привычке. С одной стороны, они вынуждены были признать, что множество «беспартийных» рабочих не могут себе представить, «как это они не пойдут к «Кол Нидрей». Как это в Рош Гашана и Йом Кипур не пойдут в синагогу». С другой стороны, утверждалось: «Многие идут от того, что некуда девать свободный день. Многих привлекает в синагогу пение кантора, потребность в торжественной, привычной с детства, праздничной обстановке. На такой же бытовой привычке держатся и все христианские праздники». «Этому быту, основанному на косности и привычке, следовало бы противопоставить новый быт, основанный на разуме», – призывал некий «Рупор» в «Известиях Витебского губисполкома и губкома РКП» в 1923 г. [2, л. 13].

Ритуал – неотъемлемая часть существования общества, он легитимирует в глазах людей самые важные события в их жизни. Для большинства населения семейные обряды, проходившие с участием

священников, являлись символическим свидетельством самых значимых вех жизненного пути человека. Поэтому становление советской семейной обрядности шло в борьбе с религиозным мировоззрением и религиозными обрядами. Облегчалась процедура развода, уравнивались в правах внебрачные дети, вводились книги актов гражданского состояния, начали распространяться браки без официальной регистрации отношений. Женщины получили большую свободу, были устранены некоторые черты ханжеской морали, калечившей жизнь, но и издержки перемен были высоки: возросло количество разводов, появилась масса матерей-одиночек и социальных сирот, милиция задерживала женщин, подкидывавших новорожденных детей в подъезды домов центральных улиц города. Для подкидышей стали строиться дома младенца.

Становление новой советской брачно-семейной обрядности и утверждение светских браков быстрее проходило в городе и гораздо тяжелее в деревнях и местечках. Среди рядовых партийцев и даже ответственных работников на протяжении всех 1920-х гг. наблюдались случаи сватовства и венчания, совершения иных традиционных семейных обрядов. В соответствии с вековыми традициями в семьях отмечалось рождение детей, их вступление в брак, с соблюдением привычных ритуалов провожали в последний путь умерших.

После отделения церкви от государства исчезли законодательные препятствия для вступления в межэтнический брак, но большинство браков заключалось в соответствии с традицией и в своей среде. В газетной заметке 1923 г. сообщалось о свадьбе дочери известного витебского раввина Медалье. Автор упоминал о гостях, «отчисливших» в пользу молодых 40 млрд. руб., при этом иронизировал по поводу двух из них, «плачущих от фининспекторов», но внесших по 2 млрд. дочке раввина на приданое [2, л. 8].

Знаменитые споры 1920-х гг. по проблемам брака и семьи затронули и еврейскую среду. «Заря Запада» сообщала, что в 1927 г. еврейский драмкружок при клубе деревообделочников поставил пьесу «Бридер ун Швестер» на «злободневную тему о легком отношении некоторой части молодежи к вопросам любви и брака» [12, л. 33 об.]. Постепенно стали появляться смешанные браки между евреями и представителями других национальностей. Всё чаще евреи стали признавать за свадьбу поход в ЗАГС, прежде всего, члены комсомола и партийцы. Но даже в их среде случались конфликты в семье, т.к. старшее поколение отрицательно относилось к таким бракам. На фабрике «Профинтерн» в 1929 г. разразился скандал, когда активная комсомолка-еврейка, сославшись на сопротивление родителей, отказалась выйти замуж за коллегу-коммуниста из-за того, что тот не еврей [10, с. 275].

Симптоматично и то, что созданный в 1925 г. Витебским Окружным судом в ходе реализации политики белорусизации еврейский национальный участок народного суда рассмотрел в показательном порядке 3 процесса по искам на алименты, что косвенно свидетельствовало о том, что новые веяния в сфере брачно-семейных отношений стали проявляться и в еврейской среде.

Большевики боролись с бытовыми практиками, обусловленными религией, внедряли новые советские обряды и праздники-заместители: «красные свадьбы», «красные крестины» («октябрины»), «красное рождество», «красную пасху». В еврейской среде появились «красные обрезания», «красные сейдеры» и др. Губком (с 1924 г. – окружкомы КПБ (б) через партийные ячейки, органы политпросвета, женотделы, комсомол организовывал борьбу с церковными праздниками и религиозно-бытовыми обычаями, проводил работу по внедрению новых. Женотделы, бытовые комиссии предприятий рекомендовали родителям называть детей новыми советскими именами и придерживаться новых, пролетарских обрядов. Подобием «красных крестин» у евреев стало «красное обрезание». В 1924 г. в Витебске таковое было устроено по случаю рождения сына у преподавателя еврейского педагогического техникума А. Розенцвайга, в котором приняли участие еврейские учителя, студенты, школьники, рабочие, было оглашено имя ребенка – Владимир. Новорожденному подарили портрет Ленина, подписку на его собрание сочинений, «Капитал» К. Маркса [10, с. 249].

Новые формы бытовых практик воспринимались населением по-разному. Осенью 1924 г. фабком пивоваренного завода решил устроить суд над рабочим, «обругавшим своего товарища за празднование октябрин» [12, л. 2]. Неодобрительно оценивала нововведения молва на витебских базарах. Ещё с большей подозрительностью к ним относились в деревнях и местечках, традиционно более консервативных и патриархальных.

В самой партии и комсомоле было достаточное количество так называемых «примиренцев». Так называли тех, кто хоть сам и не верил в Бога, но ко многим религиозным праздникам относился как к красивым традициям, которые не мешают коммунистическому строительству.

Важную роль в борьбе со старыми бытовыми практиками играли местные комсомольцы, проводившие шумные акции на улицах перед храмами и синагогами, и намеренно оскорблявшие чувства верующих. В 1922 г. комсомольцы Витебска провели перед Йом-Кипуром, днем поста, покаяния и отпу-

ГІСТОРЫЯ

шения грехов, «грандиозную антирелигиозную демонстрацию» [13, с. 17]. В 1924 г. в Городке на тот же праздник прошло шествие актива с революционными песнями, а на следующий день, несмотря на пост, в Доме профсоюзов был устроен «торжественный обед» [10, с. 248].

В мае 1923 г. по городам и деревням губернии было организовано масштабное антирелигиозное действо под названием «празднование комсомольской пасхи». Подготовительная работа началась с проведения в клубе РКСМ вечера, посвященного 450-летию Коперника. На места были разосланы материалы о проведении подобного вечера, на котором надо было не только освещать жизнь и борьбу Коперника, но и выяснять «сущность религии и её несовместимость с наукой». «Комсомольская пасха в городах проводилась, базируясь на еврейской молодежи. В деревне была проведена русская комсомольская пасха». В Витебске было организовано 12 кружков по изучению истории пасхи, в каждом кружке проведено по пять занятий. Накануне был выпущен специальный еврейский журнал «Хвалес» и газета «Юный творец», посвященные пасхе. Первый вечер пасхи по губернии был озаглавлен «красными сейдерами» (сатирой на сейдер или седер – еврейский пасхальный вечер со строго определенной последовательностью трапезы), вечерами самодеятельности с антирелигиозной программой. В Витебске и Полоцке были устроены политсуды над комсомольцам, участвовавшими в выполнении религиозных обрядов, которые прошли, по мнению руководителя витебских комсомольцев, с большим успехом. В следующие дни пасхи проводились субботники по предприятиям и профшколам в пользу Красного флота. Во время пасхи ученики профшкол не прекращали учебу. В отчете о проведении комсомольской пасхи отмечалось, что она прошла по губернии с подъемом. «Явно выраженных эксцессов со стороны обывательской массы и духовенства не было, если не считать брюзжание и перешёптывание втихомолку. Наблюдался ряд фактов изгнания на время пасхи сопротивлявшихся комсомольцев из дому родителями» [14, л. 237].

В борьбу с религиозными предрассудками втягивались и дети. В сентябре 1926 г. кустари Витебска решили накануне Йом Кипура устроить специальный вечер вопросов и ответов, а после вечера – спектакль в исполнении пионерского отряда из самих детей кустарей [15, л. 37].

Формирование нового советского быта шло параллельно с усвоением новой идеологии. Утверждались новые революционные праздники: годовщины Октябрьской революции, Первомай, День Конституции СССР, годовщины РККА, Международный женский день, международные юношеские дни, праздники в честь конгрессов Коминтерна, праздники индустриализации, кооперации и т.д. Эти новые праздники, приобретая характер группового ритуала или государственного церемониала, будучи многократно повторяемыми практиками, способствовали превращению стоящих за ними событий и их оценок в часть коллективного сознания, и стали на долгие десятилетия частью жизни миллионов людей.

Значительную роль в пропаганде черт нового быта играла печать. «Крестьянская газета» и «Заря Запада» (издания ОК КП (б) Б) публиковали материалы о правильном уходе за детьми, о важности прививок, о чистоте жилища, рациональном ведении хозяйства, сообщали на своих страницах о примерах внедрения элементов нового быта. В рубрике «К новой жизни» «Крестьянская газета» публиковала сообщения с мест о проведении красных крестин, красных вечеринок, антирелигиозных вечеров, борьбы с пьянством. Печать пропагандировала трезвый и активный отдых на природе, необходимость культуры быта в семье, школе, на предприятии.

Вот как местному автору представлялся быт по-советски: дети накормлены бесплатно, снабжены всем, вплоть до игрушек, старик-отец все необходимое получает от соцобеспечения. «Жена освобождена от забот о кухне и равный мне товарищ, всецело увлеченный живой работой в одном из культпросветучреждений» [4, л. 9 об.]. Однако многие мужчины не хотели мириться с изменением социального статуса своих жен и с попытками власти оторвать их от «печи и кочерги». Стереотипы поведения и восприятие приемлемых в обществе ролей мужчины и женщины изменялись с трудом. Формируемая властью товарищеская модель отношений между мужчинами и женщинами приживалась сложно даже в партийно-комсомольской среде. Не раз витебские активистки жаловались, что мужчины местных предприятий не хотят видеть в женщине спутницу жизни, а привыкли видеть в ней рабу.

С другой стороны, многие женщины, в том числе и еврейки, даже втягиваясь в общественную жизнь, с трудом усваивали свою новую роль в обществе. Так, в Лепеле в 1920 г. местные женщины пытались создать женский клуб, объединить портних в артель, уделяли много внимания детскому приюту, столовой. В 1921 г. они открыли детский сад, провели 8 марта митинг на еврейском языке, организовали политсуд «над новой женщиной». Характерно, что на одном из женских собраний должна была сделать доклад по обследованию столовой «тов. Лейтман», но, «ввиду смущения и отказа тов. Лейтман поделиться впечатлением с общим собранием», собрание решило «предписать ей приговор к следующему собранию» [16, л. 4в, 86].

В 1920-е гг. бытовое и идеологическое тесно переплеталось. Взрослые и дети вовлекались в акции международной солидарности, слушали доклады о положении трудящихся в странах Запада, но при этом нередко проявляли нетерпимое отношение к своим соседям и одноклассникам. В регионе процветал бытовой антисемитизм. Например, заведующий 7-ой школой-семилеткой (на Марковщине) в 1928 г. докладывал в окроно о многочисленных нападениях учеников школы водников на детей из третьего еврейского класса его школы [17, л. 334]. Ученики школы водников умудрялись даже в школу приходиться с ножами. Подростки безнаказанно терроризировали детей, и подчас, даже взрослых, о чем говорилось на собраниях рабочих организаций Марковщины. Комиссия, проверявшая школу, констатировала, что в ней проводилось интернациональное воспитание, но уровень жизни в районе, антисемитские настроения родителей оказывали отрицательное влияние на детей [17, л. 362].

9 мая 1929 г. ученики школы-семилетки в Сураже во время воскресного отдыха с криками «утопим жиденка» набросились на лодку, где был ученик Кац, бросали его в воду несколько раз. А зав. семилеткой назвал эти действия «детскими шалостями». Автор заметки утверждал, что заведующий ещё в царские времена в церкви призывал к погрому евреев. «Освободим школу от заядлого антисемита, служащего рассадником контрреволюции», – призывал автор статьи [12, л. 30 об.].

Можно согласиться с мнением А.Ю. Рожкова о том, что межэтнический дискурс школьников 1920-х гг. содержал целый набор недружественных стереотипов [18].

Процветал бытовой антисемитизм и среди других слоев населения. Антисемитские шутки и высказывания позволяли себе многие рабочие витебских заводов, антиеврейские настроения присутствовали и в партийной среде. Грубость на работе, хулиганство на улицах часто приобретали этническую окраску, что усиливало межнациональную напряженность. В 1923 г. не охваченные пропагандистской работой и поэтому, по мнению местных партийцев, «заражённые антисемитизмом» инвалиды местной сапожной мастерской избили палками и костылями заведующего губсобесом Офмана, потребовавшего переделать плохо выполненный заказ. Инвалидов возмутила его не очень удачная шутка: «За такую работу Вам надо дать по рукам» [5, л. 70].

В апреле 1925 г. бытовая комиссия одного из предприятий города проверила, чем занимались на первый день пасхи шесть товарищей. Члены бытовой комиссии, которые, естественно, застали этих шестерых за «соблюдением религиозного обычая», были обозваны «шпионами и жидками» [19, л. 39]. В марте 1928 г. в газете «Заря Запада» появилась статья «Гнусная антисемитская вылазка витебских лыжников». Её автор поведал о безобразном поведении витебских лыжников, совершавших пробеги из Витебска в Минск в рамках пропаганды лозунга «Все на перевыборы сельсоветов». Они в Борисовском районе так нагло и по-хамски обращались с местным еврейским населением, что автор статьи, рассказавший об этих событиях, отметил, что лозунгом пробега витебских лыжников был лозунг «Бей жидов» [12, л. 27].

Вызвал бурную дискуссию в местной прессе известный конфликт 1928 г. между еврейкой-работницей и механиком-русским на фабрике «Двина». В свою очередь, не очень толерантны бывали и сами евреи. В ответ на слово «жид», «жидовская морда» звучало – «русская свинья». А на фабрике «Профинтерн» в 1930 г. евреи издевались над работницами-белорусками [20]. Некоторые еврей-студенты витебского ветеринарного института проявляли неуважение к полякам и белорусам, обзывали белорусов «мужиками», говорили, что они представляют себе белорусов только как мужиков [21, л. 63 об.]. Среди латышей были распространены устойчивые стереотипы о том, что белорусские крестьяне ленивы и неумелы, а поэтому плохо живут.

Примеры старых стереотипов восприятия друг друга, основанных на религиозно-этническом принципе, нередко фигурировали в ходе партийных чисток или рассмотрении персональных дел членов партии или комсомольцев. В документах встречаются упоминания о том, что евреи не идут работать на железную дорогу, т.к. там грязно и тяжело, что занимаются «самоснабжением», используя служебное положение и т.д. В конце 1920-х гг. на евреев начали сваливать неполадки на работе («жиды строили, потому и испортилось»), усилились взаимные упреки и подозрения о поддержке «своих». Но тогда ещё о проявлениях антисемитизма писали, резко осуждали, исключали из партии.

Основными хозяйственными занятиями евреев являлись ремесло, мелкая торговля и посредническая деятельность. Евреям с их мелкой торговлей и посредническими операциями места в новой советской экономике не находилось. Даже в условиях НЭПа среди них наблюдался высокий уровень безработицы, нарастало ощущение бесперспективности среди молодежи.

В этих условиях одной из характерных черт 1920-х гг. стала попытка властей повлиять на трудовые практики многочисленного еврейского населения региона путем распространения среди них земледелия. Местные газеты сообщали об отдельных жителях Витебска, которые поехали строить новую жизнь на Дальний Восток (в Биробиджан). Информировали о развитии еврейского земледелия в Крыму,

ГІСТОРЫЯ

обследовании земель для поселения на Алтае. Пропагандировалось развитие еврейского земледелия в БССР, где в 1926 г. было уже 145 еврейских сельскохозяйственных коллективов, 20 земледельческих поселков и 500 еврейских хуторов. Обследовались округа, в том числе и на Витебщине, на предмет выделения земель для еврейских поселенцев [12, л.12].

«Крестьянская газета» сообщала, что в июле 1925 г. была открыта еврейская коммуна имени Лекерта в одном из бывших имений в Лиозненском районе. На открытии коммуны представитель из округа указал, что «Советская власть и коммунистическая партия одинаково заботятся о всех трудящихся, независимо от того, к какой народности они принадлежат» [22, л. 4]. По сообщению газеты, члены коммуны поблагодарили власть за право работать на земле и поправить своё положение.

Однако попытки властей наделять евреев землей нередко вызывали резкое недовольство крестьян-белорусов, что приводило к межнациональным трениям.

Партийно-государственная власть пыталась изменить и традиционные формы досуга рабочих и крестьян. До введения НЭПа фактически каждая местная фабрика и завод, воинская часть, советское учреждение, политическая партия имели свои клубы с библиотеками, хоровыми и драматическими кружками. В документах упоминаются такие клубы, как «Красный звон», «Красный пахарь», «Красная буква», «Вооружённый пролетариат», клубы им. Троцкого, им. Луначарского, им. Свердлова, им. К. Либкнехта. Действовали многочисленные латышские и польские клубы и т.д.

В 1918 г. в Витебске функционировали еврейский клуб им. Б.М. Борохова, клуб им. Хайкина, клубы еврейских политических партий, действовавших тогда в городе. Некоторое время действовал клуб Югенд-Бунда, приглашавший в драматический кружок «юных еврейских рабочих» [7, л. 33 об.]. Пять еврейских клубов работало в местечках губернии. Еврейская труппа при клубе им. Хайкина ставила спектакли Шолом-Алейхема и других еврейских авторов. В обществе им. Переца организовывались выставки, спектакли, концерты, диспуты о культуре и искусстве. Основателем Общества, созданного осенью 1918 г. при поддержке еврейской секции губоно, был Рахмиэль Родинсон. С. Юдовин, один из наиболее активных его членов, с воодушевлением защищал идею еврейского возрождения в рамках социалистического государства. В своей лекции антирелигиозного характера «Евреи и искусство», прочитанной в январе 1919 г., он полагал, что синагога – главный враг национального искусства. В октябре 1919 г. Общество устроило «еврейскую выставку», созданную на основе коллекции фотографий и рисунков, выполненных Юдовиным во время экспедиции Ан-ского. Благодаря Родинсону Юдовин сумел опубликовать в 1920 г. свою книгу «Еврейский народный орнамент». Общество им. Переца имело также собственную театральную студию, где ставились пьесы Шолом-Алейхема, Шолом-Аша, Ан-ского, Гольдфадена. Декорации для нее создавались Бразером. Смерть Родинсона, финансировавшего Общество, фактически парализовала деятельность последнего, а в 1922 г. информация о нем и вовсе исчезла со страниц витебской прессы [23].

В действовавших многочисленных еврейских клубах городов и местечек было много интересного, живого, творческого. В деревнях и местечках также появились избы-читальни, народные дома. Однако политизация развлечений вызывала отторжение у жителей деревень и местечек. Многие рабочие, кустари и крестьяне руководствовались прежними представлениями о труде и отдыхе. Часто мероприятия, проводимые в клубах, сопровождались пьянством, выяснениями отношений на кулаках. На рабочих окраинах процветали преступность, хулиганство, алкоголизм, проституция. «Культурный досуг» прививался с трудом. Пьянство и сопряженное с ним хулиганство и рукоприкладство в семье стали столь массовыми, что вызвали беспокойство партийно-советских органов.

Распространения пьянства в рабочей среде было столь серьёзным, что пропагандистская кампания по борьбе с ним захватила даже школу. В рамках проводимой в конце 1928 г. кампании по борьбе с алкоголизмом во всех школах города организовывались общие собрания учеников 4 – 7-х классов. На них заслушивались доклады «О вреде алкоголизма», «Культурная революция и борьба за здоровый быт», организовывались общешкольные ячейки по борьбе с пьянством общества «Долой алкоголизм».

Таким образом, бытовое поведение людей, регулируемое ранее сословными и религиозными требованиями и традициями, в 1920-е гг. власти выстраивали по классово-идеологическому принципу. Религия и церковь, определявшие ритм, уклад и ритуал жизни, агрессивно вытеснялись из повседневных практик населения Витебщины всех конфессий.

Что касается еврейского населения региона, то, с одной стороны, шла его активная советизация через попытки вовлечения в общественно-политические, образовательно-культурные процессы с использованием языка идиш. А с другой стороны, нарастала борьба с иудаизмом, сионизмом, ивритом, еврейскими политическими партиями, т.е. с любыми формами национальной консолидации, которые не укладывались в советские политико-идеологические постулаты.

Огромное внимание уделялось воспитанию подрастающего поколения страны. На протяжении 1920-х гг. прошло несколько волн борьбы с хедерами и иешивами. В Витебске был создан первый в Советской России еврейский педагогический техникум для подготовки учителей, которые должны были работать в советских школах с преподаванием на идиш. В школе формировалось представление о том, что если ученик ходит в церковь, носит нательный крест или остается приверженцем национально-религиозных традиций, например, не ходит в школу в субботу, то, значит, он человек с отсталым мировоззрением, «пережиток прошлого».

Важные изменения происходили в сфере брачно-семейных отношений. Уравнивание в правах полов, снятие запретов на межэтнические браки, новые формы его заключения, облегчение практики разводов в определенной степени укладывались в русло процессов модернизации, происходивших в мире. Однако советская гражданская обрядность только вырабатывалась и сложно приживалась в местечках и деревнях. Межэтнические браки хотя и появились, но старшим поколением не приветствовались.

Стремление власти разрушить привычный быт вызывало скрытое или явное сопротивление части населения. Традиции социальных отношений, психологические установки людей сопротивлялись навязываемым нормам, поэтому процветали двойные стандарты поведения: в публичной сфере демонстрировалась лояльность всему новому, а в частной жизни соблюдались бытовые практики, обусловленные традицией.

Решающую роль в борьбе с религией, в трансформации быта, изменении отношений в семье играла РКП (б). В начале 1920-х гг. именно еврейская секция губкома партии стала инициатором агрессивной по форме и антирелигиозной по содержанию борьбы с традиционными повседневными практиками местного еврейства. Партийно-комсомольский актив быстрее реагировал на новые установки в сфере быта и семьи. Именно в этой среде чаще всего наблюдались процессы отказа от традиционной религиозной и этнической идентичности.

Высокий уровень социальной мобильности в послереволюционный период позволил многим евреям изменить свою жизнь, повысить свой социальный статус и вырваться из местечек. Другие пытались бороться против ассимиляции, сохраняя приверженность вере отцов, национально-бытовым практикам и обрядам, характеризующим принадлежность к еврейству.

И всё же о тотальном изменении бытовых практик у основной массы еврейского, особенно местечкового, населения Витебщины к концу 1920-х гг. ещё говорить не приходится. Многие черты в морально-бытовом поведении населения оставались традиционными. Процессы его разрушения ускорились с началом «великого перелома» и известных событий 1930-х гг. Решающую и страшную роль в процессе исчезновения особого мира еврейских белорусских местечек сыграла нацистская оккупация периода Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). Фонд 10051-п. – Оп. 1. – Д. 318.
2. ГАВт. Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 91.
3. ГАВт. Фонд 56. – Оп. 1. – Д. 185.
4. ГАВт. Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 74.
5. ГАВт. Фонд 10050-п. – Оп. 1. – Д. 383.
6. ГАВт. Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 57.
7. ГАВт. Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 55.
8. ГАВт. Фонд 9. – Оп. 3. – Д. 42.
9. Витебская губерния 1917-1924 гг.: документы и материалы. – Витебск: Витеб. обл. тип., 2012. – 408 с.
10. Зельцер, А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917-1941 / А. Зельцер. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 478 с.
11. Вестник народного образования / Орган Витебского губернского отдела народного образования. – 1921. – № 1. – Май. – С. 29.
12. ГАВО. Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 95.
13. Коммунистический Труд // Периодическое изд. Витебского Губкома РКП (б) и Губпрофсовета. – 1922. – № 19. – 25 ноября. – С. 17.
14. ГАВт. Фонд 10050-п. – Оп. 1. – Д. 383.
15. ГАВт. Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 106б.
16. ГАВт. Фонд 10050-п. – Оп. 1. – Д. 169.
17. ГАВт. Фонд 170. – Оп. 1. – Д. 164. Т. 2.
18. Рожков, А.Ю. Молодой человек в Советской России 1920-х годов: Повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы): автореф. ...дис. док. ист. наук / А.Ю. Рожков [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com>. – Дата доступа: 20.09.2013.
19. ГАВт. Фонд 9. – Оп. 6. – Д. 77.

ГІСТОРЫЯ

20. Зельцер, А. Межэтнічскія адносіны і савецкая палітыка 20-30-х гадоў: прымер Восточнай Беларусіі / А. Зельцер [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: http://www.yadvashem.org/yv/ru/pdf/yad_vashem_studies/zeltser.pdf. – Дата доступа: 10.04.2014.

21. ГАВТ. Фонд 118. – Оп. 1. – Д. 524.

22. ГАВТ. Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 102.

23. Клер Ле Фолль. Киевская Культур-лига и Витебская художественная школа: два подхода к проблеме еврейского искусства и национального самосознания / Клер Ле Фолль // Музей Марка Шагала [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: www.chagal-vitebsk.com/node/36. – Дата доступа: 15.04.2014.

УДК 316.482.5

РОЛЯ РОДА ДАРАГАСТАЙСКІХ І ЯГО КЛІЕНТАЎ У ПОЛАЦКІМ ВАЯВОДСТВЕ У БАРАЦЬБЕ ЗА ПАДЗВІННЕ У КАНЦЫ XVI – ПАЧАТКУ XVII СТ.

канд. гіст. навук, дац. В.У. ЯКУБАЎ

Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, Наваполацк

Разглядаецца дзейнасць і роля прадстаўнікоў роду Дарагастайскіх і яго кліентаў у барацьбе за Падзвінне ў канцы XVI – пачатку XVII ст. на тэрыторыі Полацкага ваяводства. Прыводзіцца беларускамоўны тэкст Ліста да пана Крыштофа Манівіда Дарагастайскага ад 22 кастрычніка 1605 г., які падрабязна ілюструе падзеі асады “замка дынаменцкага ў Інфлянтах”.

Роля Мікалая Манівіда Дарагастайскага і яго сына Крыштофа Мікалая (Мікалевіча) Манівіда Дарагастайскага, а так сама яго кліентаў з Полаччыны, застаецца неадаследаванай пры вывучэнні полацкай гісторыі і войнаў ВКЛ супраць маскоўскай, а затым шведскай агрэсіі ў Падзвінні ў канцы XVI – пачатку XVII ст. Больш таго, акрамя кліентаў Сапег (да якіх даследчыкі адносяць Шчытоў Забэльскіх) і біржанскіх Радзівілаў (роды Стаброўскіх і Жаб (Мікалай Жаба быў ротмістрам у Кокенгаўзе, а потым нехта з іх быў паслом Я. Радзівіла перад Я.К. Хадкевічам на гарадзенскім замку ў маі 1608 г. [1])) цалкам не распрацаванай праблемай айчынай гістарыяграфіі застаецца кліенцкая сетка роду Дарагастайскіх.

Мікалай Манівід Дарагастайскі быў першым прадстаўніком гэтага, сярэдняй заможнасці роду, які атрымаў сенатарскую годнасць полацкага ваяводы (1567–1597 гг.). Ён азнаёміўся з мясцовай сітуацыяй яшчэ ў час абароны неакупіраванай часткі ваяводства, удзельнічаў у падрыхтоўцы і правядзенні Полацкай кампаніі 1579 – 1580 гг., вызначыўся і пры ўзяцці Невеля і Нешчарды, стаў камендантам полацкага гарнізона [2, с. 229]. За асабістую мужнасць і паслугі дзяржаве пры Стэфане Баторы і Жыгімонце Вазе быў прызначаны старастам ваўкавыскім, дзяржаўцам шэрашоўскім, лепельскім, цівуном гольдынгскім. Іншая галіна рода – нашчадкі Яна, засталіся ў радавым гняздзе – Дарагастаях Луцкага павету на Валыні і далей жылі на Падоллі і Кіеўскім ваяводстве.

Кальвініст па веравызнанні Мікалай Дарагастайскі дапамог у адраджэнні пратэстанцкай абшчыны ў Полацку пасля яго вызвалення ад войска Івана Жыхлівага. Пачаткова насельніцтва ваяводства было ў сваёй большасці праваслаўна-пратэстанцкае, але Стэфан Баторый і Жыгімонт Ваза пачалі перадаваць дзяржаўную маёмасць і ўласнасць полацкага праваслаўнага ўладцы каталіцкаму касцёлу. Гэта прывяло да вострага канфлікту мясцовага насельніцтва з ордэнам езуітаў, які пасля 1579 г. атрымаў 322 надзелы ў горадзе і ваяводстве [3, с. 165]. На гэтую зямлю разлічвалі, а недзе ўжо паспелі абаснавацца тутэйшыя жыхары. Полацкі ваявода выступіў на баку праваслаўных мяшчан. Тым не менш, праваслаўнаму духавенству і мяшчанам не ўдалося захаваць сваю маёмасць – сойм 1585 г. канчаткова замацаваў нададзеныя каралём уладанні за езуітамі. Мясцовая грамада працягвала барацьбу ад дыктату цэнтральных улад.

Спаслаўшыся на загад свайго пана, слугі М. Дарагастайскага з узброенымі полацкімі казакамі на чале з Станіславам Бароўскім, з 1 па 13 студзеня 1588 г. не дапускалі каралеўскага камісара Ф.І. Гадзецкага зрабіць люстрацыю маёмасці полацкага ўладцы [4, с. 201]. Пакуль М. Дарагастайскі быў полацкім ваяводам, справа перадачы ўласнасці езуітам, а затым уніятам зацягвалася і ўскладнялася. Хто быў галоўным завадатарам такой рэгіянальнай сітуацыі і што было асноўным матывам у гэтым – ці пытанні веры, ці грашовы інтарэс, рэчы дыскусійныя. У метрыцы ВКЛ мы маем шмат судовых спрэчак за маёмасць, але толькі ў 1597 г. полацкі ўніяцкі мітрапаліт Г. Загорскі паспрабаваў рэальна адсудзіць маёмасць полацкага Барысаглебскага манастыра, якія (верагодна пасля вайны) былі заняты Корсакамі, Саламярэцкімі і Жыжкевічамі і іх жонкамі-сёстрамі, народжанымі Корсакамі. Спроба ізноў не прывяла да канчатковага выніку і развязка канфлікту наступіла толькі ў 1619 г. пры Езафаце Кунцэвічы. Відавочна супадзенне маёмасных і рэлігійных інтарэсаў полацкага ваяводы і шэрагу мясцовых родаў у спрэчцы з цэнтральнымі ўладамі павінны былі стварыць яму моцныя пазіцыі і